
Ева Рейн
Измена.
Мне тебя не жалко!

Ева Рейн

Измена. Мне тебя не жалко!

«Литнет»
2026

Рейн Е.

Измена. Мне тебя не жалко! / Е. Рейн — «Литнет», 2026

Мой муж выставил мою пожилую сестру за дверь после пожара, но я и представить не могла, какую подлость он совершит, когда я потребую развода!Тридцать два года я прожила с Георгием. Любила его, заботилась, прощала грубость и верила, что мы всегда будем семьёй.Но однажды моя старшая сестра осталась без крыши над головой. Она попросила у моего мужа всего одну ночь. Одну-единственную ночь! А он захлопнул перед ней дверь.Когда я узнала правду, то ушла. И тогда Георгий решил, что имеет право наказать нас обеих.Он пытался купить молчание сестры. Распространял о ней грязную ложь. Настраивал против неё родных и знакомых. А потом явился требовать жалости, уверенный, что я снова всё прощу.Только на этот раз он просчитался.Ведь мне пятьдесят пять. И я больше не та женщина, которая всю жизнь боялась его потерять.Теперь он останется один на один с последствиями своей жестокости. А я ещё узнаю, каково это — быть по-настоящему любимой.

© Рейн Е., 2026
© Литнет, 2026

Содержание

ГЛАВА 1. СУМКА С ЗАПАХОМ ГАРИ 5
ГЛАВА 2. ОНА НЕ ЗАХОТЕЛА У НАС ОСТАВАТЬСЯ 15
ГЛАВА 3. ЧУЖАЯ ПОСТЕЛЬ ДЛЯ ДВУХ СЕСТЁР 28
Конец ознакомительного фрагмента. 29

ГЛАВА 1. СУМКА С ЗАПАХОМ ГАРИ

Софья Лукина почувствовала запах дыма ещё на подходе к дому, но поначалу не придала этому значения. В ноябре уже рано темнело, и люди во дворе нередко жгли в железных бочках сухие ветки, собранные после осенней уборки. Она даже подумала, что дворник опять затеял что-нибудь подобное, хотя управляющая компания не раз запрещала разводить огонь возле жилых домов. В одной руке Софья несла пакет с продуктами, в другой держала сумочку, из которой собиралась достать ключи. До подъезда оставалось совсем немного, когда женщина заметила стоявшую возле дома пожарную машину. Только тогда она подняла голову и увидела распахнутые окна третьего этажа, из которых ещё тянулись сероватые полосы дыма.

У Софьи неприятно похолодело в груди. Она сразу узнала окна своей квартиры, расположенной рядом с той, из которой теперь валил дым, и остановилась посреди дорожки, не обращая внимания на проходивших мимо людей. Перед подъездом толпились жильцы, некоторые стояли в домашних тапочках и куртках, наброшенных прямо поверх халатов. Пожилая соседка с первого этажа что-то возбуждённо рассказывала молодому мужчине, а возле пожарной машины женщина с маленьким ребёнком плакала, прижимая его к себе. Софья опустила пакет на асфальт и поспешила к подъезду, но дорогу ей преградил высокий пожарный в тёмной форме.

— Подождите, женщина, туда сейчас нельзя, — сказал он, придерживая её за локоть. — Вы из этого дома? Какая квартира?

— Сорок восьмая, третий этаж, — ответила Софья и попыталась заглянуть за его плечо. — У меня квартира рядом с той, где дым. Скажите, там всё сгорело? Я только в магазин вышла, меня дома не было.

— Сейчас пожар потушили, но внутри ещё работают люди. Вы не волнуйтесь раньше времени, ваша квартира не горела, насколько мне известно. От дыма и воды могла пострадать, это уже смотреть нужно. Отойдите пока к соседям, пожалуйста, мы скоро всех предупредим.

Софья послушно отошла, хотя ноги плохо слушались её. Она оглядела окна, пытаясь определить, насколько серьёзным оказался пожар, но ничего не могла понять. За тёмными стёклами её квартиры не было видно света, зато окно соседей стояло настежь, и возле него мелькала чья-то фигура. Софья вдруг вспомнила, что перед уходом поставила на подоконник чашку с недопитым чаем, а на пианино оставила раскрытую тетрадь с нотами. Утром она занималась с бывшей ученицей, которая собиралась выступать на небольшом концерте, и обещала к следующему занятию подобрать несколько новых произведений. Теперь эти привычные мелочи показались ей такими далёкими, словно между сегодняшним утром и нынешним вечером прошло не несколько часов, а целая жизнь.

— Софья Андреевна, вы только пришли? — окликнула её Нина Петровна, соседка с четвёртого этажа. Женщина торопливо подошла к ней, поправляя сбившийся платок, и сочувственно покачала головой. — Как хорошо, что вас дома не было. Мы тут такое пережили, словами не передать. У соседей ваших проводка загорелась, говорят, в комнате возле коридора. Они сами выбежали, потом уже пожарные приехали. Дым по всему этажу пошёл, я даже сверху почувствовала.

— А моя квартира? — спросила Софья, стараясь говорить спокойно. — Вы ничего не знаете, Нина Петровна? Мне сказали, что там воды много.

— Воды, наверное, хватает, они же тушили. Но огонь к вам не перешёл, это точно. Не переживайте пока, главное, что люди живы. Вы лучше позвоните кому-нибудь из родных, может, придётся сегодня у них переночевать.

Софья кивнула и достала телефон. Первым её желанием было набрать Маргариту, младшую сестру, с которой она привыкла делиться любыми неприятностями. Впрочем, она тут же

вспомнила, что сегодня в культурном центре проводится большой вечер, к которому Маргарита готовилась почти две недели. Ещё утром сестра звонила ей, жаловалась на опоздавших участников и обещала приехать в гости на выходных, когда наконец закончатся все хлопоты. Софья посмотрела на часы и всё же набрала её номер. Длинные гудки оборвались, не дождавшись ответа, и женщина попробовала ещё раз, но результат оказался тем же.

Она убрала телефон в карман и принялась ждать, пока пожарные разрешат жильцам подняться. Вокруг постепенно становилось холоднее, ветер пробирался под пальто, а стоявшие возле подъезда люди один за другим расходились по знакомым и родственникам. Софья подняла оставленный пакет с продуктами, заметила, что ручка надорвалась, и машинально переложила его в другую руку. Ей уже не было дела до купленного хлеба и молока, но бросить пакет почему-то казалось невозможным. Женщина стояла возле скамейки и смотрела на окна собственного дома, где прожила почти сорок лет.

Примерно через час её вместе с несколькими жильцами пустили в квартиры, предупредив, что брать можно только самое необходимое. Софья поднялась на третий этаж и сразу почувствовала такой густой запах гари, что невольно прикрыла рот ладонью. На лестничной площадке было сыро, под ногами темнели лужи, а возле соседской двери валялись какие-то обгоревшие вещи. Собственная квартира встретила её холодом и непривычным беспорядком. В коридоре стояла вода, стены возле входа потемнели от копоти, а на полу лежали мокрые коврики, которые она сама стирала всего несколько дней назад. Софья медленно прошла в комнату и остановилась перед пианино. На его полированной крышке поблёскивали капли, а лежавшая сверху нотная тетрадь разбухла от воды и неприятно выгнулась.

Она осторожно подняла тетрадь, попыталась разъединить слипшиеся страницы и тут же оставила это занятие. На пианино стояла фотография младшей сестры, сделанная ещё в молодости, когда Маргарита только вышла замуж. Рамка лежала на боку, но стекло не разбилось, и Софья взяла снимок, вытерла его рукавом и положила на сухой край стола. Она почувствовала, что руки дрожат, и заставила себя заняться необходимым. Из шкафа удалось достать несколько вещей, которые не успели пропитаться водой, затем она собрала документы, лекарства и зарядное устройство для телефона. Всё это пришлось сложить в старую дорожную сумку, которую Софья обычно брала с собой в короткие поездки.

— Вам долго ещё, женщина? — раздался из коридора голос пожарного. Мужчина заглянул в комнату и, увидев её возле шкафа, добавил уже мягче: — Здесь оставаться нельзя, помещение нужно просушивать, потом всё проверять. Вы документы взяли? На первое время этого достаточно, за остальным потом вернётесь.

— Взяла, спасибо, — ответила Софья и оглянулась на пианино. — А оно, по-вашему, совсем испортилось? Я всю жизнь на нём играю, ещё с тех пор, как молодая была.

— Не могу сказать, я в этом не разбираюсь. Вы главное сами не простудитесь, тут холодно и сыро. Потом посмотрите, что удастся спасти.

Софья кивнула и направилась к выходу. Перед дверью она ещё раз оглядела комнату, в которой всё казалось одновременно знакомым и чужим. На стене висели часы, продолжавшие исправно показывать время, на кресле лежала связанная ею шерстяная накидка, а возле окна стоял небольшой столик с чашкой недопитого чая. Если бы не запах гари, мокрый пол и потемневшие стены, можно было бы подумать, что она просто уходит в магазин и скоро вернётся. Софья заперла дверь, хотя сама не понимала, какой смысл теперь в этом замке, и осторожно спустилась по влажной лестнице.

Возле подъезда к ней подошла женщина, которая помогала пострадавшим жильцам. Она объяснила, где организовано временное размещение, записала имя Софьи и продиктовала телефон, по которому можно было уточнить необходимые сведения. Софья внимательно выслушала её, поблагодарила и даже записала адрес на обороте старого магазинного чека. Но в душе она уже решила, что туда не поедет, если удастся связаться с родственниками. Просить

посторонних людей о ночлеге, когда в нескольких километрах живёт родная сестра, казалось ей странным и ненужным. Тем более что Маргарита наверняка сама расстроилась бы, узнав, что Софья провела ночь среди незнакомых людей, даже не попытавшись обратиться к ней.

Она снова позвонила младшей сестре, но та по-прежнему не отвечала. Софья посмотрела на часы и решила, что мероприятие ещё продолжается. Несколько секунд она раздумывала, не отправить ли сообщение, но затем набрала номер Георгия. С зятем она никогда не была особенно близка, однако знала его больше тридцати лет и не сомневалась, что в подобных обстоятельствах он хотя бы позволит ей переночевать. В конце концов, когда-то они с Маргаритой прожили у неё четыре месяца, занимая небольшую комнату и пользуясь всей квартирой. Тогда Георгий был совсем молодым, переживал из-за потери работы и нередко сидел по вечерам на кухне, жалуясь на несправедливость начальства. Софья старалась поддерживать его, готовила ужины и убеждала не отчаиваться, поскольку понимала, насколько тяжело молодому мужчине чувствовать себя бесполезным.

Георгий ответил не сразу. На заднем плане Софья услышала мужские голоса, звон посуды и громкий смех, после чего знакомый голос недовольно произнёс:

— Софья Андреевна, добрый вечер. Что-то случилось? Я сейчас немного занят, у меня гости.

— Георгий, прости, что отвлекаю, — ответила она, невольно выпрямляясь, словно собеседник мог её видеть. — У нас в доме пожар был. Соседняя квартира загорелась, мою тоже сильно залило, всё в дыму, оставаться там пока нельзя. Я Маргарите звоню, но она не отвечает, наверное, на работе ещё. Хотела спросить, можно я у вас сегодня переночую? Только одну ночь, завтра найду какую-нибудь квартиру, пока мою приводят в порядок.

На другом конце некоторое время молчали. Софья услышала, как кто-то спросил Георгия, с кем он разговаривает, а затем послышался звук отодвигаемого стула. Мужчина явно не ожидал подобной просьбы и не торопился отвечать.

— Пожар, говорите? — наконец переспросил он. — Ну, надеюсь, хоть ничего серьёзного. Вы сами-то целы?

— Со мной всё хорошо, я в магазине была, — поспешно объяснила Софья. — Только квартира теперь непригодна для жилья, там вода, гарью пахнет. Я вещей немного взяла, больше ничего пока нельзя. Если вам неудобно, я понимаю, просто подумала, что одну ночь можно было бы у вас провести.

— Да приезжайте, на месте разберёмся, — ответил Георгий после короткой паузы. — Только я сейчас действительно не один, у нас Сергей с приятелем сидят. Вы Маргарите ещё позвоните, может, она уже освободилась. Ладно, всё, мне тут возвращаться надо.

Софья поблагодарила его и убрала телефон. Разговор показался ей несколько сухим, но она давно привыкла к манере зятя разговаривать так, будто каждое обращение отвлекает его от важных дел. Главное, что он разрешил приехать, а остальное можно было обсудить уже дома. Она вызвала такси, присела на скамейку возле подъезда и принялась ждать машину, придерживая сумку между коленями. На улице окончательно стемнело, несколько окон в доме оставались тёмными, а жильцы постепенно расходились. Софья подумала, что завтра обязательно нужно узнать, сколько времени займёт восстановление квартиры, и решить, куда перевезти вещи, если сырость начнёт портить мебель.

Дорога заняла около двадцати минут. Софья сидела на заднем сиденье, положив сумку рядом с собой, и смотрела на мокрые городские улицы. Водитель несколько раз поглядывал на неё в зеркало, но ничего не спрашивал, хотя запах гари в салоне наверняка ощущался. Женщина попыталась поправить волосы, однако пальцы наткнулись на спутанные пряди, пропахшие дымом. Она вспомнила, что утром собиралась в парикмахерскую на следующей неделе, хотела купить новое пальто к зиме и обещала одной из учениц подобрать ноты к праздничному выступлению. Все эти заботы теперь казались такими далёкими, что Софья невольно усмехну-

лась. Она была человеком привычки и больше всего любила спокойный порядок собственной жизни, но прекрасно понимала, что никакой порядок не защищает от внезапной беды.

Подъехав к дому Савельевых, она расплатилась с водителем и достала сумку. Во многих окнах горел свет, возле подъезда стояли знакомые автомобили, а из открывавшейся двери тянуло тёплым воздухом. Софья поднялась на лифте, вышла на нужном этаже и остановилась возле квартиры сестры. Раньше она бывала здесь достаточно часто, особенно по праздникам, однако в последние годы Георгий всё чаще выражал недовольство неожиданными визитами родственников. Поэтому Софья всегда заранее звонила Маргарите, стараясь не нарушать привычный порядок чужого дома. Сегодня она впервые приехала без приглашения самой сестры, и это обстоятельство неожиданно заставило её почувствовать неловкость.

Из-за двери доносились голоса мужчин. Кто-то громко рассказывал историю, остальные смеялись, а затем послышался звон бокалов. Софья нажала кнопку звонка и поправила ремешок сумки на плече. Ей очень хотелось поскорее снять пропахшее дымом пальто, умыться и выпить горячего чая. Она представила, как Маргарита вернётся с работы, увидит её на кухне и обязательно начнёт расспрашивать о пожаре, а потом будет сердиться, что старшая сестра не настояла на звонке раньше. От этой мысли Софье стало немного спокойнее.

Дверь открыл Георгий. Он был в домашней рубашке с расстёгнутой верхней пуговицей, на лице заметно выступал румянец после выпитого, а в руке оставался бокал. Увидев Софью, мужчина сначала нахмурился, затем перевёл взгляд на её сумку и испачканное пальто. Он не отступил в сторону, чтобы пропустить родственницу, а продолжал стоять в дверях, будто ожидал от неё каких-то дополнительных объяснений.

— Ну вот, я приехала, — сказала Софья, стараясь улыбнуться. — Извини, что так поздно. Я бы и не стала беспокоить, если бы дома можно было остаться. Там сейчас всё мокрое, даже на пол нормально не наступить.

— А вы, значит, прямо с вещами? — спросил Георгий и посмотрел на сумку, которую женщина держала возле ног. — Я думал, мы сначала поговорим, решим, что делать. Вы мне по телефону ничего толком не объяснили.

Софья растерянно взглянула на него. Разговор был достаточно коротким, но она совершенно отчётливо помнила, что просила разрешения переночевать. Даже поблагодарила Георгия за согласие, прежде чем положить трубку. Теперь мужчина стоял перед ней с таким видом, будто она неожиданно явилась к нему среди ночи и потребовала уступить собственную квартиру.

— Георгий, я же сказала, что мне негде ночевать, — осторожно напомнила она. — Ты ответил, чтобы я приезжала. Я только на одну ночь, правда, завтра что-нибудь найду. Маргарита, наверное, скоро освободится, мы с ней всё обсудим.

— Вот именно, что обсудим, — раздражённо ответил он, однако с места не сдвинулся. — А вы уже с сумкой приехали, словно вам тут комнату приготовили. Вы хотя бы понимаете, что у нас свои планы, свои дела? Я вот гостей пригласил, вечер нормально проводим, а теперь должен всё бросить и заниматься вашими неприятностями.

Из комнаты выглянул Сергей Клюев, старый приятель Георгия, которого Софья знала много лет. Увидев женщину в дверях, он заметно удивился и подошёл ближе. За его спиной показался ещё один гость, державший в руке салфетку. Оба мужчины выглядели растерянными, поскольку разговор в прихожей становился всё громче.

— Софья Андреевна, здравствуйте, — сказал Сергей, кивнув ей. — А мы тут слышали про пожар, Георгий говорил. Вы как, не пострадали? Может, проходите, чего в дверях стоять?

— Спасибо, Сергей, со мной всё хорошо, — ответила Софья и почувствовала, как к лицу приливает кровь. — Вот только квартира теперь вся в дыму, я попросилась у Георгия на ночь. Завтра уже буду искать, где пожить, пока там ремонт не сделают.

— Вот видишь, она уже решила, что здесь останется, — неожиданно перебил Георгий, обращаясь к приятелю. — Я человеку сказал приезжать, чтобы поговорить, а она сразу с вещами явилась. У меня, между прочим, квартира не резиновая, и мы с Маргаритой не обязаны всех родственников содержать.

Софья почувствовала, что улыбка медленно исчезает с её лица. Она стояла перед человеком, которого знала большую часть своей жизни, и никак не могла понять, почему простая просьба о ночлеге вызывает такую злость. Ей хотелось напомнить, что она никогда ничего не требовала от супругов и всегда старалась самостоятельно решать собственные проблемы. Но особенно обидно было слышать подобные обвинения при посторонних людях, которые теперь невольно становились свидетелями унизительного разговора.

— Георгий, я никого не прошу меня содержать, — сказала она, стараясь не повышать голос. — У меня есть пенсия, есть накопления, квартиру я себе сниму. Мне сегодня просто некуда идти. Ты же знаешь, я не люблю никого беспокоить, но разве я могла подумать, что ты откажешь в одной ночи?

— А почему вы уверены, что дело одной ночью закончится? — возразил мужчина, поставив бокал на стоявшую возле двери тумбочку. — Сегодня переночуете, завтра скажете, что квартиру пока не нашли, послезавтра ещё что-нибудь случится. Мы ведь это уже проходили, когда вам какая-нибудь помощь нужна. Маргарита сразу начинает бегать вокруг вас, бросает свои дела, а потом я ещё виноватым оказываюсь, если что-то не так.

— Когда это я просила у вас помощи? — Софья не выдержала и посмотрела ему прямо в лицо. — Я даже когда заболела весной, сама ко врачу ездила, чтобы Маргариту от работы не отрывать. Ты прекрасно знаешь, что мне ничего от вас не нужно. И если уж вспоминать прошлое, Георгий, то вы с Ритой когда-то четыре месяца у меня прожили, и я ни разу вам слова плохого не сказала.

При этих словах лицо Георгия заметно изменилось. Он выпрямился, словно Софья нанесла ему намеренное оскорбление, и резко скрестил руки на груди. Сергей отвёл взгляд, а второй гость незаметно отошёл к комнате, явно не желая принимать участие в семейном разговоре. Софья сразу пожалела, что вспомнила давнюю историю, но вернуть сказанное уже не могла. Она вовсе не собиралась требовать благодарности, просто ей казалось невероятным, что человек, которому однажды помогли в трудную минуту, теперь способен обвинять её в желании воспользоваться чужим благополучием.

— Ах вот как, — произнёс Георгий, неприятно усмехнувшись. — Значит, вспомнили свои заслуги. Тридцать с лишним лет прошло, а вы всё ещё помните, кто кому комнату уступил. Я, между прочим, вас тогда ни о чём не просил, сами предложили помочь, а теперь оказывается, что я вам по гроб жизни обязан.

— Я не это имела в виду, — ответила Софья и крепче сжала ручки сумки. — Господи, Георгий, неужели ты не понимаешь? У меня сегодня пожар был, я домой вернуться не могу. Я думала, что к родным людям приехала, а ты со мной так разговариваешь, будто я у тебя деньги украла.

— А вы не думайте за других, Софья Андреевна, — резко отозвался мужчина. — Родные люди тоже имеют право на собственную жизнь. Вам шестьдесят шесть лет, пора бы уже научиться решать свои проблемы самостоятельно. А то как неприятность случилась, так сразу к Маргарите, сразу к нам. Я, знаете ли, не обязан жалеть каждого, кто к моей двери с сумкой приходит.

Софья почувствовала, как болезненно сжалось горло. На мгновение ей захотелось развернуться и уйти, не продолжая этот унизительный разговор, но она всё ещё надеялась, что Георгий просто раздражён неожиданным визитом и присутствием гостей. Она посмотрела на Сергея, потом снова перевела взгляд на зятя и попыталась объяснить всё ещё раз. Ей было уже

не столько холодно, сколько стыдно за собственную просьбу, хотя разумом она понимала, что не совершила ничего предосудительного.

— Мне ведь не нужно ничего особенного, — проговорила она тише. — Я могла бы на диване в комнате лечь, даже постельное бельё своё потом привезу и всё постираю. Я утром уеду, обещаю. Маргарита сама бы меня не отпустила, если бы знала, что произошло.

— Вот именно, что не отпустила бы, — перебил Георгий и раздражённо махнул рукой. — Потому что у неё вечно жалость впереди разума идёт. Вам стоит только пожаловаться, и она сразу забывает, что у неё муж есть. А я, между прочим, не собираюсь всю оставшуюся жизнь терпеть ваши семейные привычки. Хватит уже, пожили для родственников, пора и для себя немного пожить.

Сергей, до этого стоявший возле двери молча, наконец вмешался. Он положил ладонь Георгию на плечо и осторожно попытался отвести его в сторону. Софья заметила, что приятель зятя тоже чувствует себя неловко, особенно когда Георгий начал говорить о возрасте и положении пожилой женщины.

— Жора, ну чего ты в самом деле? — сказал Сергей негромко, стараясь не обострять разговор. — У человека действительно беда, сам же рассказывал, что дом горел. Пусти Софью Андреевну хотя бы погреться, чаю попить. Маргарита придёт, тогда и решите, что дальше делать. Не на улице же ей ночевать.

— Сергей, давай ты не будешь указывать мне, кого в собственную квартиру пускать, — резко ответил Георгий, убирая его руку с плеча. — Ты здесь гость, вот и оставайся гостем. Я прекрасно понимаю, что происходит, и не собираюсь позволять родственникам жены распоряжаться моим домом. Сегодня одна ночь, завтра неделя, а потом окажется, что я ещё и обязан за это благодарить.

— Да не собираюсь я у вас жить! — Софья впервые повысила голос и сразу почувствовала, как дрожат губы. — Господи, сколько можно повторять одно и то же? Я тебя попросила только потому, что сегодня осталась без крыши над головой. Ты мог просто по телефону сказать, что не хочешь меня принимать, и я бы сюда не приехала.

— А я и сейчас говорю, что не хочу, — ответил Георгий, совершенно не смутившись её волнения. — И знаете что, Софья Андреевна, мне вас нисколько не жалко. В вашем возрасте нужно было давно позаботиться о том, куда идти в подобных случаях. Я не виноват, что у вас дом загорелся, и не собираюсь отвечать за чужие неприятности.

Софья смотрела на него, не находя слов. Она не могла припомнить, чтобы Георгий когда-нибудь разговаривал с ней настолько грубо, хотя неприятные замечания в её адрес случались и прежде. Обычно при Маргарите он сдерживался, позволял себе лишь раздражённые усмешки и короткие замечания, которые младшая сестра старалась перевести в шутку. Теперь же Маргариты рядом не было, а двое посторонних мужчин молчали, не решаясь вмешаться. Софья вдруг поняла, что зять вовсе не собирается менять решение и что любые новые объяснения лишь доставят ему дополнительное удовольствие от её унижения.

— Хорошо, Георгий, — сказала она наконец, стараясь придать голосу твёрдость. — Больше я тебя ни о чём не попрошу. Извини, что приехала, я действительно думала, что могу рассчитывать хотя бы на одну ночь. Не волнуйся, я уйду и больше тебя не побеспокою.

— Вот и правильно, — ответил мужчина, уже берясь за дверную ручку. — А с Маргаритой я сам поговорю, не нужно ей голову забивать жалобами. Пусть спокойно работает, а то она из-за каждого пустяка готова всё бросить. И вообще, Софья Андреевна, не надо больше устраивать таких сюрпризов.

Сергей шагнул вперёд, словно собирался ещё что-то сказать, но Георгий резко потянул дверь на себя. Софья успела отступить, прижимая сумку к ноге, и тяжёлая створка захлопнулась буквально перед её лицом. Несколько секунд женщина продолжала смотреть на гладкую деревянную поверхность, не веря, что разговор действительно закончился таким образом. За

дверью послышались приглушённые мужские голоса, затем Георгий что-то раздражённо ответил приятелю, и снова наступила тишина. Софья медленно опустила сумку на пол и прислонилась плечом к стене.

Ей было шестьдесят шесть лет, и за прожитые годы она успела пережить немало неприятностей. Она похоронила родителей, почти одна вырастила младшую сестру, пережила тяжёлую болезнь мужа, а затем осталась вдовой и постепенно привыкла к жизни в одиночестве. После выхода на пенсию Софья продолжала заниматься музыкой, принимала учеников и старалась не превращать собственный возраст в повод для жалоб. Ей никогда не казалось, что она имеет право требовать от окружающих особенного отношения. Однако до сегодняшнего вечера женщина не могла представить, что после пожара будет стоять на лестничной площадке перед квартирой родной сестры и просить разрешения переночевать, словно совершила что-то постыдное.

Софья вытерла выступившие слёзы ладонью и сразу рассердилась на себя за эту слабость. Она не хотела, чтобы кто-нибудь из соседей увидел её в подобном состоянии, поэтому торопливо подняла сумку и направилась к лифту. Несколько раз ей хотелось вернуться, снова позвонить в дверь и потребовать от Георгия объяснить, почему он считает возможным так обращаться с человеком, который когда-то помогал его семье. Но затем она вспоминала равнодушное выражение его лица и понимала, что возвращаться бессмысленно. Зять уже сказал всё, что хотел, и даже не попытался скрыть своего презрения.

Возле лифта Софья достала телефон. На экране по-прежнему не было ни одного пропущенного вызова от Маргариты, и женщина подумала, что мероприятие, наверное, затянулось. Она могла бы позвонить ещё раз, написать сообщение или отправиться прямо к культурному центру, но после пережитого унижения не находила в себе сил объяснять случившееся. Маргарита была человеком горячим, решительным и всегда болезненно реагировала на несправедливость, особенно если та касалась близких людей. Узнав, что муж выставил сестру за дверь после пожара, она непременно бросила бы все дела и примчалась устраивать скандал. Софья не хотела, чтобы младшая сестра посреди рабочего вечера ссорилась с мужем, хотя прекрасно понимала, что скрывать произошедшее долго не получится.

Она вызвала такси и спустилась к подъезду. На улице по-прежнему моросил мелкий дождь, ветер пробирался под пальто, а от дорожной сумки исходил неприятный запах гари. Софья отошла под небольшой козырёк и принялась ждать машину, стараясь не думать о том, что сейчас делает Георгий за закрытой дверью. Ей почему-то особенно ясно вспомнился вечер много лет назад, когда молодой зять сидел на её кухне, опустив голову на руки, и говорил, что не знает, как содержать семью после увольнения. Тогда Софья поставила перед ним тарелку горячего супа, сказала, что они с Маргаритой могут жить у неё сколько понадобится, и попросила не отчаиваться. Георгий поднял голову и благодарно улыбнулся, обещая никогда не забыть её доброты. Софья помнила эти слова до сегодняшнего вечера, хотя теперь уже не знала, говорил ли он тогда искренне.

Машина приехала довольно быстро. Софья назвала водителю адрес временного размещения и устроилась на заднем сиденье, положив сумку рядом с собой. Таксист поинтересовался, не замёрзла ли она, и предложил включить обогрев сильнее. Женщина поблагодарила его, но отказалась, поскольку в салоне и без того было тепло. Потом она отвернулась к окну и некоторое время смотрела на мокрые тротуары, редких прохожих и освещённые витрины магазинов. Ей казалось странным, что город продолжает жить обычной жизнью, когда она сама за несколько часов лишилась привычного дома и неожиданно узнала о близком человеке то, чего предпочла бы никогда не знать.

В пункте временного размещения её встретила немолодая женщина с усталым лицом. Она уточнила фамилию Софьи, сверилась со списком пострадавших жильцов и предложила пройти в небольшую комнату, где стояли несколько кроватей. Там уже находились две жен-

щины из соседних домов, тоже пострадавших от дыма и воды. Софье выделили свободное место возле окна, выдали чистое постельное бельё и показали, где можно умыться и выпить горячего чая. Она несколько раз поблагодарила за помощь, после чего села на край кровати и поставила рядом свою сумку. В комнате пахло чистым бельём и влажными пальто, из коридора доносились приглушённые голоса, а где-то неподалёку тихо плакал ребёнок.

Одна из соседок по комнате предложила Софье чай и поинтересовалась, сильно ли пострадала её квартира. Женщина ответила, что пожар произошёл у соседей, а её жильё залили водой, и постаралась не вдаваться в подробности. Ей хотелось поскорее остаться одной, снять пропахшее дымом пальто и немного прийти в себя. Однако соседка оказалась разговорчивой и принялась рассказывать о собственной неприятности, показывая фотографии повреждённой комнаты. Софья внимательно выслушала её, посочувствовала и даже попыталась подсказать, какие вещи лучше просушить в первую очередь. Она привыкла помогать людям советом или делом, когда это было возможно, и не умела делать вид, будто чужая беда её не касается.

Лишь позднее, оставшись на своей кровати, Софья позволила себе немного расслабиться. Она сняла пальто, аккуратно сложила его на спинке стула и достала из сумки фотографию Маргариты. Стекло в рамке поцарапалось, но само изображение сохранилось, и женщина несколько минут рассматривала молодое лицо сестры, которую когда-то провожала замуж. Тогда ей казалось, что Маргарите достался надёжный и заботливый мужчина, способный защитить её от любых неприятностей. Георгий был внимателен, часто приносил цветы, помогал по хозяйству и с удовольствием рассказывал о планах на будущее. Софья искренне радовалась сестринскому счастью и никогда не думала, что однажды окажется причиной столь тяжёлой семейной ссоры.

Она снова взяла телефон, открыла переписку с Маргаритой и начала печатать сообщение. Хотелось написать, что с ней всё хорошо, что пожар потушили и волноваться не нужно, но пальцы никак не находили подходящих слов. Софья понимала, что младшая сестра всё равно спросит, где она находится и почему не осталась у них ночевать. Тогда придётся объяснить, что произошло, а после пережитого разговора ей было особенно тяжело вновь произносить унизительные слова Георгия. Женщина несколько раз перечитала набранное, затем стёрла сообщение и решила дождаться утра. Она знала, что Маргарита обязательно позвонит, когда освободится, и надеялась к тому времени успокоиться настолько, чтобы рассказать всё без слёз.

Тем временем в квартире Савельевых Сергей Клюев стоял возле окна гостиной и смотрел на мокрый двор. После ухода Софьи разговор за столом окончательно испортился, хотя Георгий несколько раз пытался вернуться к прежней теме. Второй гость неловко перебирал тарелки, делая вид, что занят остатками ужина, а Сергей всё никак не мог забыть растерянное лицо женщины, перед которой только что захлопнули дверь. Он хорошо знал Георгия, привык к его грубоватым замечаниям и резким высказываниям, но сегодня приятель перешёл границу, которую Сергей прежде считал для него невозможной.

— Жора, ты всё-таки зря так поступил, — сказал он, оборачиваясь к хозяину квартиры. — Человек действительно после пожара приехал, тут уж какие могут быть разговоры? Пустил бы на ночь, Маргарита сама потом разобралась бы. Зачем было устраивать это представление?

— Сергей, я тебе уже объяснил, что не собираюсь обсуждать собственных родственников, — ответил Георгий, раздражённо отодвигая тарелку. — Ты Софью Андреевну плохо знаешь, а я с ней тридцать с лишним лет дело имею. Она только и ждёт случая, чтобы Маргариту вокруг себя вертеть. Сегодня пожар, завтра здоровье, потом ещё что-нибудь. Если каждый раз уступать, у нас тут скоро проходной двор будет.

— Да хоть бы и так, одну-то ночь можно было потерпеть, — возразил Сергей, не скрывая недовольства. — Она ведь не чужая совсем, сестра жены. И потом, ты же сам ей по телефону сказал приезжать. Я слышал, как ты разговаривал, никто тебя за язык не тянул.

Георгий резко поднял голову. Ему явно не понравилось, что приятель продолжает спорить, тем более после ухода Софьи. Он уже собирался ответить, но в этот момент зазвонил

телефон, лежавший возле его локтя. На экране высветилось имя Маргариты, и мужчина некоторое время смотрел на него, словно решая, стоит ли принимать вызов. Затем всё-таки поднёс трубку к уху и, прежде чем заговорить, сделал приятелям знак замолчать.

— Да, Рита, слушаю, — произнёс Георгий обычным голосом, стараясь скрыть раздражение. — Нет, ничего особенного, сидим ещё с ребятами. Ты как там, заканчиваете?

Маргарита говорила быстро, явно торопясь между делами. Она объяснила, что мероприятие почти закончилось, но впереди ещё уборка зала и несколько организационных вопросов, поэтому домой она вернётся поздно. Затем спросила о сестре, которая так и не ответила на её последний звонок. Георгий мельком посмотрел на Сергея и откинулся на спинку стула.

— Да приезжала она, конечно, — ответил мужчина, почти не задумываясь. — Поговорили, всё у неё нормально. Квартира пострадала, но не сгорела, так что ничего страшного. Переночевать она в другом месте решила, сказала, что уже договорилась. Не волнуйся, Рита, взрослая женщина, сама прекрасно разберётся.

Сергей медленно повернулся к нему. Он хотел что-то сказать, даже открыл рот, но Георгий предупреждающе поднял руку и отвернулся, продолжая слушать жену. Маргарита, судя по всему, ещё раз спросила, почему Софья не осталась у них, и мужчина раздражённо вздохнул.

— Да потому что сама так захотела, сколько можно повторять? — ответил он уже заметно резче. — Я ей ничего не запрещал, она приехала, поговорила и уехала. Ты лучше своими делами занимайся, а не переживай из-за каждого пустяка. Завтра созвонишься с сестрой, она тебе всё расскажет.

Закончив разговор, Георгий положил телефон на стол и потянулся за бокалом. Сергей ещё несколько секунд смотрел на него, не скрывая удивления. Он прекрасно видел, как Софья просила разрешения переночевать, слышал каждое произнесённое слово и теперь впервые понимал, что приятель не собирается даже рассказать жене правду.

— Ты же ей соврал, Жора, — тихо сказал Сергей, наклоняясь к столу. — Маргарита ведь всё равно узнает, что ты сестру выставил. Зачем было говорить, будто она сама уехала?

Георгий раздражённо поставил бокал и посмотрел на приятеля. Он уже устал от замечаний и явно не собирался больше терпеть возражения в собственном доме.

— А ты предлагаешь мне ещё и с женой всю ночь ругаться? — ответил он с неприятной усмешкой. — Софья завтра успокоится, Маргарита тоже, и всё забудется. Не первый год живём, Сергей, знаю я своих женщин. Лучше давай заканчивать с разговорами, а то совсем вечер испортили.

Сергей ничего не ответил. Он взял лежавший на стуле пиджак и начал собираться домой, сославшись на поздний час. Георгий даже не попытался его удержать, продолжая раздражённо рассуждать о неблагодарных родственниках. Через несколько минут гости ушли, и в квартире наконец стало тихо. Мужчина убрал со стола пустые бутылки, оставил посуду в раковине и отправился смотреть телевизор, уверенный, что к утру неприятная история потеряет всякое значение.

А Софья в это время лежала на узкой чужой кровати, не снимая тёплой кофты, потому что всё никак не могла согреться. На стуле возле неё стояла дорожная сумка с документами и несколькими вещами, пропахшая дымом настолько сильно, что соседка по комнате предложила вынести её в коридор. Софья поблагодарила женщину, но отказалась и осторожно придвинула сумку ближе к кровати. Там находилось всё, что она сумела забрать из своей квартиры, и оставить эти вещи без присмотра ей было неприятно. Она погасила свет возле изголовья, повернулась лицом к стене и закрыла глаза, решив, что утром обязательно позвонит Маргарите и расскажет о случившемся.

Но сон долго не приходил. Перед глазами Софьи снова возникала открытая дверь квартиры Савельевых, раздражённое лицо Георгия и Сергей, стоявший за его плечом с таким растерянным видом. Она вспоминала собственные просьбы и пыталась понять, в какой момент

обычный разговор превратился в унизительную сцену, свидетелями которой стали почти незнакомые люди. Особенно больно было от того, что зять ни на секунду не усомнился в своём праве выставить её за дверь. Софья повернулась на другой бок, поправила подушку и наконец позволила слезам скатиться по щекам. Ей было стыдно не за то, что она попросила помощи, а за собственную наивную уверенность, будто после стольких лет знакомства ей даже не придётся объяснять, почему в подобной беде она пришла к семье младшей сестры.

ГЛАВА 2. ОНА НЕ ЗАХОТЕЛА У НАС ОСТАВАТЬСЯ

Маргарита вышла из культурного центра почти в одиннадцать вечера, когда в здании уже погасили свет во всех помещениях, кроме вахты и служебного коридора. Последние полчаса она помогала убирать зал после большого концерта, проверяла оставленные участниками вещи и разбиралась с женщиной, которая перепутала своё пальто с чужим. Ноги гудели от усталости, голова разболелась ещё после обеда, а неудобные туфли, в которых пришлось провести почти весь день, теперь казались настоящим орудием пытки. Маргарита присела на скамейку возле входа, чтобы достать из сумочки телефон, и только тогда увидела несколько пропущенных вызовов от старшей сестры. Они были сделаны ещё вечером, когда концерт только начинался, а она носилась между гримёрными и зрительным залом, стараясь решить одновременно десяток мелких неприятностей.

О пожаре Маргарита уже знала. Примерно час назад ей удалось ненадолго позвонить Георгию, и муж сообщил, что в доме Софьи загорелась соседняя квартира, однако сама сестра не пострадала. Он уверил, что Софья приезжала к ним, поговорила и решила переночевать в другом месте, поскольку якобы заранее договорилась со знакомыми. Маргарита тогда удивилась подобному решению, но Георгий разговаривал раздражённо, торопил её и несколько раз повторил, что ничего страшного не произошло. Она собиралась сразу после разговора позвонить сестре, однако к ней подошёл руководитель центра с очередной просьбой, и телефон пришлось снова убрать. Теперь, когда все дела наконец закончились, Маргарита чувствовала себя виноватой за то, что не смогла вовремя ответить на звонки.

Она набрала номер Софьи, но та не ответила. Маргарита подождала несколько минут, позвонила ещё раз и, не дождавшись результата, отправила короткое сообщение с просьбой обязательно перезвонить. Затем поднялась со скамейки и направилась к остановке. Последний автобус уже ушёл, поэтому пришлось вызывать такси, хотя обычно Маргарита старалась не тратить деньги на поездки по городу без особой необходимости. Сегодня ей хотелось только поскорее оказаться дома, снять туфли, выпить горячего чая и убедиться, что с сестрой действительно всё в порядке. Она решила, что утром обязательно съездит к Софье, посмотрит, насколько сильно пострадала квартира, и предложит помощь с уборкой или поиском временного жилья.

По дороге Маргарита попросила водителя остановиться возле небольшого магазина, который работал допоздна. Она купила упаковку любимого Софьиного чая с чабрецом, несколько свежих булочек с маком и коробку печенья, которое старшая сестра всегда подавала к чаю, когда они собирались вместе. Поначалу Маргарита хотела взять ещё что-нибудь, но затем решила, что завтра можно будет спокойно сходить за продуктами, если Софья действительно останется без возможности готовить дома. Она хорошо знала сестринский характер и понимала, что та едва ли согласится принять деньги или позволить полностью оплачивать свои расходы. Софья всю жизнь старалась обходиться собственными силами и даже после выхода на пенсию продолжала заниматься с учениками, чтобы не зависеть ни от кого.

Когда такси подъехало к дому, Маргарита снова посмотрела на телефон. Ответа от сестры по-прежнему не было, и она решила, что Софья, должно быть, уже спит после тяжёлого дня. Женщина расплатилась с водителем, взяла пакеты и вошла в подъезд. В лифте она устало прислонилась к стене, закрыла глаза и несколько секунд стояла неподвижно, прислушиваясь к тихому гудению кабины. Ей вспомнилось, как утром Георгий жаловался на предстоящий скучный вечер и спрашивал, нельзя ли перенести концерт на другое число. Муж не любил, когда она задерживалась на работе, особенно если по возвращении не находил готового ужина, хотя прекрасно умел приготовить себе что-нибудь самостоятельно.

Дверь квартиры оказалась заперта изнутри. Маргарита достала ключи, вошла и сразу почувствовала запах жареного мяса и табачного дыма, которым иногда пропитывалась одежда Георгиевых приятелей. В прихожей горел свет, возле тумбочки стояли мужские ботинки, а на полу валялась смятая бумажная салфетка. Маргарита с раздражением посмотрела на оставленный беспорядок и поставила пакеты на пол. Ей хотелось верить, что муж хотя бы убрал после гостей посуду, но из кухни доносилось привычное негромкое позвякивание тарелок, оставленных в раковине.

— Жора, я пришла, — позвала она, снимая пальто. — Ты ещё не спишь? У меня ноги сейчас отвалятся, мы там до последнего возились с этим концертом. Я тебе звонила, но ты уже трубку не брал.

Из гостиной послышался звук телевизора, затем Георгий недовольно отозвался, что слышит её и никуда не делся. Маргарита прошла в комнату и увидела мужа в кресле перед экраном. Он сидел в домашних брюках и старой рубашке, держа на коленях небольшую тарелку с остатками закуски. На журнальном столике стояли пустой бокал и открытая бутылка минеральной воды. Георгий мельком посмотрел на жену, но даже не выключил телевизор.

— Поздно ты сегодня, — заметил он, отправляя в рот последний кусочек сыра. — Я уже думал, до утра там останешься. У вас что, каждый концерт теперь до полуночи будет продолжаться?

— Не каждый, Жора, но сегодня действительно пришлось задержаться, — ответила Маргарита и опустилась на край дивана, чтобы наконец снять туфли. — У нас после концерта половина участников никак разойтись не могла, потом ещё с вещами перепутали. Я тебе утром говорила, что вернусь поздно. Лучше расскажи, как Соня? Она так и не перезвонила, я уже волноваться начинаю.

Георгий заметно поморщился. Он взял пульт, прибавил звук телевизора, словно надеялся, что разговор на этом закончится, и некоторое время продолжал смотреть на экран. Маргарита ждала ответа, но муж не торопился удовлетворять её любопытство. Наконец он раздражённо вздохнул и повернул голову.

— Да что ты к этой Соне привязалась? — спросил он. — Я же тебе уже сказал, что с ней всё нормально. Приезжала, поговорили, потом уехала к каким-то своим знакомым. Взрослая женщина, сама решит, где ей ночевать. У меня, между прочим, тоже день непростой был, а ты с порога опять про сестру.

Маргарита посмотрела на мужа с недоумением. Она не понимала, почему обычный вопрос о человеке, который едва не пострадал при пожаре, вызывает у Георгия такое раздражение. Впрочем, муж и раньше не любил разговоров о чужих неприятностях, особенно если они могли повлечь за собой какие-нибудь просьбы о помощи. Обычно Маргарита старалась не обращать внимания на его замечания, но сегодня ей было неприятно слышать подобное равнодушие.

— Жора, у неё дома пожар был, — напомнила она, стараясь говорить спокойно. — Я не знаю, что там с квартирой, насколько всё серьёзно, где она теперь находится. Ты хотя бы спросил, нужна ли ей какая-нибудь помощь? Может, она даже одежду нормально взять не успела.

— Спросил, конечно, что ты думаешь, я совсем бессердечный? — ответил Георгий, снова поворачиваясь к телевизору. — Она сказала, что всё устроит сама. Вот и прекрасно, не вижу причин устраивать из этого трагедию. Квартира у неё не сгорела, просто воды налили, высохнет со временем.

Маргарита почувствовала лёгкое раздражение, но спорить пока не стала. Она поднялась с дивана, взяла пакеты и отправилась на кухню, решив сначала поставить чайник и немного прийти в себя. В раковине действительно стояла гора грязной посуды, на столе лежали хлебные крошки, а возле плиты осталась сковорода с застывшим жиром. Маргарита устало покачала головой, но ничего не сказала. Её больше занимала мысль о сестре, которая после пожара

почему-то предпочла ночевать у знакомых, хотя прекрасно знала, что в квартире Савельевых достаточно места для ещё одного человека.

Она открыла шкаф, чтобы убрать купленный чай, и вдруг остановилась. На верхней полке лежало чистое постельное бельё, которое она ещё вчера приготовила для возможного визита Софьи на выходных. Маргарита вспомнила, что сестра собиралась зайти к ним в воскресенье, принести фотографии с летней поездки и остаться до вечера. Теперь эти планы, конечно, потеряли значение, но ей вдруг стало странно, что Георгий даже не предложил Софье переночевать здесь после пожара. Она поставила упаковку чая на стол и вернулась в гостиную.

— Жора, подожди, я не понимаю, — сказала Маргарита, останавливаясь возле кресла. — Соня приехала к нам, правильно? Ты с ней поговорил, а потом она сама решила куда-то уехать? Почему ты не предложил ей остаться хотя бы на ночь? У нас ведь диван свободный, да и в маленькой комнате можно постелить.

Георгий медленно повернул голову. По выражению его лица Маргарита сразу поняла, что вопрос ему не понравился. Он положил пульт на подлокотник и некоторое время смотрел на жену, словно раздумывал, стоит ли вообще отвечать.

— Потому что она не захотела у нас оставаться, — произнёс он наконец, отчётливо выделяя каждое слово. — Что тут непонятного, Рита? Человек приехал, поговорил и уехал. Я должен был её силой удерживать? Или ты предлагаешь теперь каждый поступок своей сестры со мной обсуждать?

— Я ничего подобного не предлагаю, — ответила Маргарита, чувствуя, как усталость постепенно сменяется беспокойством. — Просто странно всё это. Соня никогда бы не поехала среди ночи к каким-то знакомым, если бы могла остаться у меня. Ты уверен, что между вами ничего не произошло?

— Господи, Рита, ну сколько можно! — Георгий раздражённо поднялся с кресла и выключил телевизор. — Ты пришла домой почти в полночь и вместо того, чтобы поинтересоваться, как у меня дела, начинаешь устраивать допрос из-за своей сестры. Она уехала, потому что сама так решила. Я не обязан за неё отвечать.

Маргарита внимательно посмотрела на мужа. Она слишком хорошо знала его привычки, чтобы не заметить, как он избегает прямого ответа и раздражается от самых обычных вопросов. Георгий всегда становился особенно резким, когда хотел прекратить неприятный разговор, не объясняя причин. Раньше Маргарита нередко уступала ему ради спокойствия, но сейчас не могла избавиться от ощущения, что за его раздражением скрывается что-то ещё.

— Хорошо, я сама с ней поговорю, — сказала она и достала телефон. — Мне только нужно убедиться, что с Соней всё в порядке. Она три раза мне звонила, а я даже ответить не смогла. Не хочу, чтобы она думала, будто мне до неё дела нет.

Георгий ничего не ответил. Он снова включил телевизор, хотя теперь смотрел на экран с явным неудовольствием. Маргарита вернулась на кухню и набрала номер сестры. Длинные гудки тянулись мучительно долго, затем вызов оборвался. Женщина попробовала ещё раз, но результата не было. Она поставила телефон на стол, налила в кружку воду и сделала несколько глотков, пытаясь понять, почему сестра не отвечает. Возможно, та действительно уснула после тяжёлого дня, однако Маргарита слишком хорошо знала Софью, чтобы окончательно успокоиться.

Третья попытка оказалась удачной. После нескольких гудков в трубке послышался тихий шорох, затем сонный голос сестры осторожно произнёс её имя. Маргарита почувствовала облегчение и сразу принялась расспрашивать о произошедшем, не замечая, как быстро говорит.

— Сонечка, наконец-то! Я весь вечер тебе дозвониться пытаюсь. Ты меня прости, пожалуйста, у нас сегодня такой сумасшедший день был, я телефон даже не слышала. Как ты? Где

ты сейчас? Жора сказал, что квартира у тебя пострадала, но ты сама не обожглась, ничего себе не повредила?

На другом конце некоторое время молчали. Софья, очевидно, пыталась окончательно проснуться, и Маргарита услышала, как она осторожно отодвинула что-то в сторону. Затем сестра ответила тихим, немного охрипшим голосом:

— Риточка, со мной всё хорошо, не волнуйся. Я в магазине была, когда пожар начался, так что меня дома не было. Квартира, конечно, сильно пострадала, воды там много, гарью пахнет, но это всё потом можно исправить. Главное, что никто серьёзно не пострадал.

— Господи, Соня, ну почему ты мне сразу не написала? — Маргарита опустилась на табурет возле кухонного стола и прижала телефон к уху. — Я бы обязательно нашла возможность тебе помочь. Ты сейчас где? Жора сказал, что у знакомых переночевать решила, но я даже не представляю, у кого ты могла остановиться.

Софья снова замолчала. Маргарита услышала чьё-то негромкое покашливание и звук шагов, словно сестра находилась не в обычной квартире, а в помещении, где были посторонние люди. Она уже собиралась повторить вопрос, когда Софья наконец заговорила.

— Я сейчас в том месте, куда после пожара жильцов привезли, — объяснила она, явно стараясь подбирать слова. — Здесь всё нормально, Рита, кровать дали, бельё чистое, даже чаем напоили. Завтра с утра начну искать квартиру, пока мою не приведут в порядок. Ты только не переживай, пожалуйста, я справлюсь.

Маргарита медленно выпрямилась. Некоторое время она сидела неподвижно, пытаясь понять услышанное. Георгий совершенно определённо говорил ей, что Софья устроилась у знакомых, а теперь выяснялось, что сестра находится среди пострадавших жильцов, которым негде провести ночь.

— Подожди, Соня, — произнесла она, чувствуя, как в груди нарастает тревога. — Какое ещё место? Ты что, в пункте временного размещения? А почему не у нас? Ты ведь к Георгию приезжала, он мне сам сказал, что вы разговаривали.

— Приезжала, Рита, — ответила Софья после короткой паузы. — Только ты сейчас не расстраивайся, пожалуйста. Ничего страшного не случилось, просто Георгий сказал, что ему неудобно меня принимать. Я уже сюда приехала, здесь вполне можно переночевать, так что не нужно из-за этого ссориться.

Маргарита резко поднялась с табурета. Ей показалось, что она неправильно расслышала слова сестры, настолько они не совпадали с тем, что говорил муж. Она прошла к окну, затем вернулась к столу и остановилась, крепко сжимая телефон.

— Что значит неудобно принимать? — спросила она уже совсем другим голосом. — Соня, ты приехала к нам после пожара, а Жора сказал, что не пустит тебя переночевать? Я правильно поняла?

— Риточка, давай завтра поговорим, — тихо попросила Софья. — Ты сегодня целый день работала, уже поздно, а я действительно устроилась. Не надо сейчас ничего выяснять, пожалуйста. Он был с гостями, наверное, поэтому и рассердился, что я неожиданно приехала.

— Соня, какие гости? — Маргарита почувствовала, как кровь приливает к лицу. — У тебя дома пожар был, тебе ночевать негде! Неужели он действительно выставил тебя за дверь? Ты мне скажи прямо, без этих объяснений про гостей и неудобства.

Софья тяжело вздохнула. Маргарита услышала, как сестра осторожно отошла куда-то в сторону, вероятно, чтобы не разбудить соседок по комнате. После этого её голос стал немного отчётливее, хотя в нём по-прежнему чувствовалось смущение.

— Да, Рита, он не пустил меня, — призналась Софья. — Я думала, что одну ночь можно у вас остаться, ведь ты сама всегда говорила, чтобы я приезжала, если понадобится помощь. Но Георгий рассердился, сказал, что у вас не гостиница и что я должна сама решать свои непри-

ятности. Потом мы ещё немного поспорили, и он дверь закрыл. Я не стала больше беспокоить, вызвала такси и сюда приехала.

Маргарита некоторое время не могла произнести ни слова. Она смотрела на упаковку чая с чабрецом, лежавшую возле чашки, и чувствовала, как внутри поднимается такая ярость, что ей трудно было дышать. Ещё несколько минут назад она собиралась утром отвезти сестре булочки и помочь разобраться с последствиями пожара, а теперь узнавала, что её муж сознательно оставил шестидесятишестилетнюю женщину на улице после того, как та приехала к нему за помощью. Более того, он совершенно спокойно солгал, будто Софья сама предпочла ночевать в другом месте.

— Соня, ты сейчас никуда не уходи, — сказала Маргарита, стараясь придать голосу твёрдость. — Я к тебе приеду, только адрес мне скажи. И пожалуйста, не вздумай извиняться передо мной за то, что произошло. Ты ни в чём не виновата, слышишь? Я сама сейчас с Георгием разберусь.

— Рита, не надо, — испуганно ответила сестра. — Ты же знаешь его характер, сейчас только хуже сделаешь. Я уже здесь, мне ничего не нужно, завтра поговорим спокойно. Ты лучше сама отдохни, у тебя ведь день тяжёлый был.

— Я тебе перезвоню, когда выеду, — произнесла Маргарита, не желая продолжать разговор. — Напиши адрес, пожалуйста, чтобы я тебя не тревожила лишний раз. И не переживай обо мне, Соня. Я не собираюсь делать вид, будто ничего не случилось.

Она завершила вызов и несколько секунд стояла возле стола, не двигаясь. Из гостиной доносились голоса телевизионных ведущих, где-то тихо гудел холодильник, а на плите оставалась грязная сковорода после мужниного ужина. Все эти привычные домашние звуки вдруг показались Маргарите невыносимыми. Она схватила телефон и направилась в гостиную, уже не думая о том, что поздно, что завтра нужно рано вставать и что Георгий не выносит разговоров на повышенных тонах.

Муж сидел в кресле, положив ноги на небольшой пуфик. Увидев жену, он сразу понял, что разговор с Софьей состоялся, поскольку лицо Маргариты выражало такой гнев, которого он давно не наблюдал. Георгий выключил звук телевизора, но не поднялся с места, словно рассчитывал показать, что не собирается принимать происходящее слишком серьёзно.

— Ты выставил Соню за дверь? — спросила Маргарита, останавливаясь перед ним. — После пожара, с сумкой в руках, ты не пустил её даже переночевать? А потом мне соврал, что она сама уехала к знакомым?

Георгий раздражённо вздохнул. Некоторое время он смотрел на жену так, словно ожидал, что та немедленно начнёт кричать, но Маргарита продолжала стоять неподвижно и ждать ответа. Наконец мужчина пожал плечами.

— Ну вот, я так и знал, что она тебе всё представит в выгодном для себя свете, — произнёс он. — Софья Андреевна у нас большая любительница жаловаться. Я не выставлял её, просто объяснил, что не собираюсь принимать гостей среди ночи без предупреждения. Она сама обиделась и уехала, никто её силой не выгонял.

— Без предупреждения? — Маргарита почувствовала, как голос невольно повышается. — Она тебе позвонила, Жора! Ты сам сказал ей приезжать, она мне всё рассказала. Ты прекрасно знал, что у неё пожар и что дома она оставаться не может. Как у тебя язык поворачивается теперь говорить про гостей?

— А что, мне надо было немедленно всё бросить и бежать вокруг неё? — резко ответил Георгий, наконец поднимаясь с кресла. — Я, между прочим, тоже человек, у меня был собственный вечер, я друзей пригласил. И вообще, Рита, давай ты не будешь устраивать мне допрос на основании рассказов своей сестры. Я не обязан принимать в доме каждого, кому вдруг захотелось здесь переночевать.

Маргарита смотрела на него с возрастающим изумлением. В его словах не было даже попытки признать, что он поступил неправильно, не говоря уже о сожалении. Георгий говорил о пожаре так, словно Софья просто решила неожиданно приехать в гости и нарушить его планы. Женщина почувствовала, что больше не может сдерживаться.

— Каждого? — переспросила она, делая шаг к мужу. — Ты сейчас мою родную сестру называешь каждым? Женщину, которая меня вырастила, которая тебя когда-то в собственный дом пустила, когда у нас даже денег на съёмную комнату не было? Ты вообще понимаешь, что говоришь?

— Вот только не надо мне снова вспоминать эту историю! — Георгий резко махнул рукой. — Твоя Софья сегодня уже успела напомнить, какая она у нас благодетельница. Тридцать два года прошло, а она всё ещё считает, что я ей обязан. Сама предложила помочь, никто её за язык не тянул. И если уж на то пошло, я за эти годы достаточно сделал для нашей семьи, чтобы теперь не выслушивать попрёки из-за какого-то давнего жилья.

Маргарита почувствовала, как в груди болезненно сжалось. Перед глазами вдруг возникла маленькая кухня сестринской квартиры, где они с Георгием когда-то проводили вечера, обсуждая, как выбраться из трудного положения. Муж тогда потерял работу, денег едва хватало на самое необходимое, и Софья сама предложила им пожить у неё, пока всё не наладится. Она уступила молодым супругам большую комнату, перенесла собственные вещи в маленькую и ни разу не пожаловалась, хотя прекрасно понимала, что троим взрослым людям тесно в небольшой квартире.

Маргарита помнила, как Георгий возвращался после очередного неудачного собеседования, раздражённый и подавленный, а Софья ставила перед ним горячий ужин и старалась разговорить. Она никогда не требовала от молодых денег за жильё, не вмешивалась в их ссоры и даже отказывалась от помощи по хозяйству, если видела, что Маргарита слишком устала после работы. Когда Георгию наконец удалось устроиться на новое место, он сам купил Софье большой букет цветов и благодарил за поддержку. Маргарита тогда была счастлива видеть, что самые близкие ей люди понимают и ценят друг друга. Теперь же муж стоял перед ней и говорил о той помощи с таким раздражением, будто сестра совершила что-то постыдное.

— Ты хоть помнишь, как мы у неё жили? — спросила Маргарита, не скрывая дрожи в голосе. — Помнишь, как Соня тебе ужины готовила, когда ты месяцами работу найти не мог? Как она нам комнату уступила, сама на старом диване спала, потому что понимала, как нам тяжело? Ты тогда её благодарил, Жора, говорил, что никогда этого не забудешь. А сегодня она одна-единственная ночь помощи попросила, и ты перед ней дверь захлопнул!

— Да сколько можно об этом говорить! — Георгий повысил голос и раздражённо прошёлся по комнате. — Я не просил её тогда нас содержать! Ты сама всё решила, сама к сестре переехать предложила, а теперь оказывается, что я всю жизнь должен за это расплачиваться. И потом, Рита, она ведь не маленькая девочка. Шестьдесят шесть лет женщине, пора бы научиться справляться со своими неприятностями.

— С пожаром? — Маргарита не поверила собственным ушам. — Она должна была заранее научиться справляться с пожаром? Ты сам слышишь, какую чушь говоришь? У человека квартира залита водой, вещи испорчены, она на улице осталась, а ты рассуждаешь, что ей пора научиться жить самостоятельно!

Георгий остановился возле окна и скрестил руки на груди. По его лицу было видно, что он начинает злиться всерьёз, особенно потому, что жена не собиралась уступать. Обычно Маргарита, высказавшись, постепенно успокаивалась и старалась перевести разговор на более мирный лад. Сегодня же её гнев только усиливался, и мужчина явно не понимал, как заставить её прекратить неприятный разговор.

— Хватит на меня орать, — произнёс он с угрозой. — Я тебе не мальчишка, которого можно отчитывать за каждую мелочь. Не захотел я принимать Софью, имею полное право.

Квартира наша, между прочим, а не её, и я не собираюсь спрашивать разрешения у родственников, кого мне пускать в дом.

— Именно что наша, Жора, — ответила Маргарита, почти задыхаясь от возмущения. — Не твоя личная квартира, в которой ты один всем распоряжаешься. Я тоже здесь живу, я тоже имею право пригласить собственную сестру. И если бы ты хоть на секунду подумал обо мне, то понял бы, что я никогда не оставила бы Соню после пожара на улице.

— А ты хоть на секунду обо мне подумала? — Георгий неожиданно повысил голос ещё сильнее. — Я целый день работал, потом друзей пригласил, хотел нормально отдохнуть. А тут твоя сестра со своими неприятностями, потом ты среди ночи устраиваешь скандал. Получается, что я в собственном доме вообще никакого права на спокойствие не имею?

Маргарита смотрела на мужа, не находя слов от возмущения. Ей хотелось схватить его за плечи и заставить наконец понять очевидное, но она прекрасно видела, что Георгий не собирается ничего понимать. Он искренне считал собственный испорченный вечер куда более серьёзной бедой, чем пожар в квартире пожилой родственницы. Женщина вдруг вспомнила множество прежних случаев, когда муж раздражался из-за чужих неприятностей, жаловался на просьбы о помощи или требовал, чтобы она не вмешивалась в проблемы знакомых. Раньше Маргарита оправдывала его усталостью, тяжёлым характером и нежеланием взваливать на себя дополнительные заботы. Теперь эти оправдания казались ей нелепыми.

— Ты знаешь, что меня больше всего поражает? — спросила она, стараясь говорить отчётливо. — Даже не то, что ты Соню не пустил. Хотя за одно это мне хочется тебе в лицо всё высказать. Ты ведь потом мне соврал, Жора. Сказал, что она сама уехала к знакомым, что всё у неё нормально. Ты знал, что она ночует неизвестно где, а мне спокойно рассказывал, будто ничего не случилось.

— Потому что я прекрасно представлял твою реакцию! — отрезал Георгий, разводя руками. — Вот именно поэтому и не стал тебе всё подробно объяснять. Ты ведь из любой неприятности готова семейную трагедию устроить, особенно если дело твоей сестры касается. Я хотел, чтобы ты спокойно закончила работу и вернулась домой. Что в этом плохого?

— Ты хотел, чтобы я ничего не узнала, — ответила Маргарита, уже не пытаясь сдерживать гнев. — Чтобы Соня где-нибудь переночевала, утром нашла себе квартиру и не стала мне жаловаться. А ты бы сидел здесь, довольный собой, и рассуждал, что правильно поступил. Ты даже сейчас не понимаешь, насколько подло это выглядит!

При слове «подло» Георгий резко изменился в лице. Он сделал шаг к жене, остановился совсем близко и заговорил сквозь зубы, явно стараясь не сорваться на крик. Маргарита не отступила, хотя слишком хорошо знала эту манеру мужа и понимала, что он пытается запугать её собственным раздражением.

— Ты слова выбирай, Рита, — произнёс он, глядя ей прямо в глаза. — Я тебе не позволю называть меня подлецом только потому, что отказался устраивать гостиницу для твоей сестрицы. Мы с тобой тридцать два года прожили, и за всё это время я достаточно сделал для семьи. А ты теперь готова меня растоптать из-за одной старухи, которая даже не пострадала толком.

Маргарита почувствовала, как у неё задрожали руки. Последние слова мужа ударили сильнее предыдущих, потому что он произнёс их совершенно сознательно, понимая, насколько близка ей Софья. Женщина несколько секунд смотрела на Георгия, пытаясь справиться с нахлынувшим гневом, а затем резко отступила.

— Не смей так говорить о моей сестре, — сказала она, с трудом удерживая голос от крика. — Никогда больше не смей называть её старухой, которую мне якобы не должно быть жалко. Она для меня больше, чем просто родственница, Жора. Когда наши родители умерли, именно Соня осталась рядом, именно она меня вырастила. И если ты за тридцать два года этого не понял, значит, я вообще не знаю человека, за которого вышла замуж.

Георгий раздражённо отвернулся. Он схватил пульт, но тут же бросил его обратно на кресло, словно даже телевизор теперь казался ему неподходящим способом прекратить разговор. Маргарита видела, что муж воспринимает её слова как очередное проявление чрезмерной привязанности к сестре, и от этого становилось особенно больно. Она вспомнила, как в первые годы брака Георгий сам называл Софью родным человеком, приглашал на праздники и просил совета, когда сталкивался с неприятностями. Теперь же всё это будто перестало существовать.

— Я всё прекрасно понимаю, Рита, — произнёс муж после короткого молчания. — Только ты почему-то никак не поймёшь, что у тебя своя семья есть. Муж, дом, обязанности, нормальная жизнь. А ты готова всё бросить и бежать к сестре по первому её звонку. Она всю жизнь тебя возле себя держит, а ты даже не замечаешь, как она тобой распоряжается.

— Соня мной не распоряжается, — ответила Маргарита, чувствуя, что спор становится бесполезным. — Это ты пытаешься распоряжаться мной и решать, кому я имею право помогать. И если для тебя семья означает, что я должна спокойно смотреть, как ты унижаешь близкого человека, то у нас с тобой совершенно разные представления о семье.

Она развернулась и вышла из гостиной. Георгий что-то раздражённо сказал ей вслед, но Маргарита уже направлялась в спальню, где открыла шкаф и достала дорожную сумку. Она не знала, сколько времени проведёт рядом с Софьей, однако совершенно точно понимала, что сегодня ночевать в одной квартире с мужем не сможет. Женщина бросила в сумку несколько комплектов белья, тёплую кофту, домашнюю одежду и необходимые мелочи, затем вернулась к комоду за документами и лекарствами. Руки всё ещё дрожали, поэтому она несколько раз роняла вещи на пол и сердито поднимала их, стараясь не думать о Георгии.

Через несколько минут муж появился в дверях спальни. Он остановился, увидел открытую сумку и некоторое время молча наблюдал, как жена складывает одежду. Маргарита не поднимала головы, хотя прекрасно понимала, что Георгий ждёт объяснений. Наконец он раздражённо кашлянул и спросил, куда она собирается среди ночи.

— К Соне, разумеется, — ответила Маргарита, продолжая укладывать вещи. — Я не собираюсь оставлять её одну после того, что ты устроил. Сейчас вызову такси и поеду, а завтра уже будем думать, как ей помочь с квартирой.

— Ты сейчас серьёзно? — Георгий даже рассмеялся от удивления, но смех получился неприятным. — На часах почти полночь, завтра тебе на работу, а ты собираешься куда-то ехать из-за того, что сестра обиделась? Рита, ну хватит уже устраивать цирк. Иди спать, утром поговорим нормально.

— Я никуда спать не пойду, — ответила женщина и наконец посмотрела на него. — Соня сейчас в чужом помещении, среди незнакомых людей, потому что ты не позволил ей переночевать в нашем доме. Я хотя бы поеду и побуду рядом. А разговаривать с тобой мне сейчас совершенно не хочется.

— Да у неё там всё нормально! — Георгий раздражённо всплеснул руками. — Ты же сама с ней разговаривала, она жива, здорова, кровать ей дали. Что ты ещё собираешься для неё сделать? Сесть рядом и всю ночь за руку держать? У тебя муж здесь, между прочим, который тоже не железный и не обязан терпеть твои истерики.

Маргарита резко захлопнула шкаф. Ей показалось, что ещё одно подобное замечание, и она просто не сможет сдержать крика. Она повернулась к мужу и несколько секунд смотрела на его лицо, ставшее за годы брака таким привычным, что прежде могла определить настроение Георгия по одному движению бровей. Сейчас ей хотелось увидеть хотя бы тень смущения, но он выглядел исключительно раздражённым.

— А почему ты решил, что именно тебя сейчас нужно жалеть? — спросила она, чувствуя, как голос снова начинает дрожать. — Ты сидишь дома, у тебя тепло, еда, телевизор, кровать чистая. Соня после пожара осталась без жилья, ты её выставил за дверь, а теперь ещё требуешь, чтобы я думала о твоих переживаниях. Жора, тебе самому не противно?

— Мне противно, что моя жена из-за чужих проблем устраивает мне скандал, — резко ответил Георгий. — И я предупреждаю тебя, Рита, если ты сейчас выйдешь из этой квартиры ради своей сестры, можешь обратно не возвращаться. Мне такие представления не нужны, я прекрасно обойдусь без человека, который вечно ставит чужих людей выше собственного мужа.

Маргарита остановилась с сумкой в руках. На мгновение она почувствовала не столько гнев, сколько болезненное удивление. Тридцать два года совместной жизни, множество общих воспоминаний, привычек и забот, а муж только что предложил ей не возвращаться домой лишь потому, что она решила поехать к сестре после пожара. Женщина медленно поставила сумку на кровать и посмотрела Георгию прямо в глаза.

— Ты сейчас предлагаешь мне выбрать между тобой и Соней? — спросила она, стараясь произносить слова спокойно. — После всего, что произошло, ты ещё и угрожать мне решил? Слушай меня внимательно, Жора. Я не собираюсь спрашивать у тебя разрешения помогать собственной сестре. И если ты действительно готов выгнать меня из дома за это, значит, тебе стоит очень серьёзно подумать, что ты вообще понимаешь под браком.

Георгий открыл рот, собираясь возразить, но Маргарита не дала ему продолжить. Она застегнула сумку, взяла телефон и прошла мимо мужа, который так и остался стоять в дверях. Уже в прихожей она надела пальто, обулась и достала из кухни пакет с купленным чаем и булочками. На секунду ей захотелось оставить всё это дома, поскольку продукты покупались для спокойного семейного завтрака, которого теперь не будет. Но затем она вспомнила, как Софья любит чай с чабрецом, и решительно положила пакет в сумку.

Георгий вышел следом. Он уже не кричал, но по выражению лица было видно, что мужчина окончательно потерял терпение. Маргарита проверила, взяла ли ключи, и потянулась к дверной ручке, однако муж снова заговорил, стараясь придать голосу повелительный тон.

— Рита, я тебе последний раз говорю, прекрати этот спектакль, — произнёс он. — Ты сейчас на эмоциях, завтра сама пожалеешь. Я не собираюсь среди ночи бегать за тобой и упрашивать вернуться. Уйдёшь — потом сама будешь объяснять, зачем семью разрушила.

— А ты завтра попробуй вспомнить, как сегодня разговаривал с Соней, — ответила Маргарита, открывая дверь. — И заодно подумай, почему мне пришлось ехать к ней ночью вместо того, чтобы спокойно уложить её спать здесь. Семью я не разрушаю, Жора. Я просто не собираюсь делать вид, будто твоя жестокость — обычная семейная мелочь.

Она вышла на лестничную площадку и закрыла дверь, не дожидаясь ответа. За спиной почти сразу послышались быстрые шаги, затем Георгий что-то сердито произнёс, но открывать дверь не стал. Маргарита нажала кнопку лифта и прислонилась к стене, пытаясь справиться с дрожью в руках. Ей хотелось плакать от обиды и одновременно вернуться, чтобы высказать мужу ещё десяток вещей, которые не успела сказать во время ссоры. Но женщина понимала, что новый разговор ничего не изменит, а Софья по-прежнему находится одна среди незнакомых людей.

Такси пришлось ждать около десяти минут. Всё это время Маргарита стояла возле подъезда, прижимая сумку к ногам, и пыталась дозвониться сестре. Софья ответила почти сразу, словно тоже не спала и ждала звонка. Услышав, что Маргарита уже едет, она начала возражать, уверяя, что в столь поздний час нет никакой необходимости беспокоиться, однако младшая сестра решительно пресекла эти попытки.

— Соня, я уже вышла из дома, — сказала она, стараясь говорить мягче. — Не спорь со мной, пожалуйста, мне сегодня и без того хватило споров. Я приеду, побуду с тобой немного, а завтра будем вместе решать, что делать дальше. Ты только скажи, там можно будет мне рядом с тобой остаться?

— Я сейчас узнаю, Риточка, — ответила Софья после короткого молчания. — Здесь женщина дежурит, она очень добрая, думаю, разрешит. Но ты не переживай, пожалуйста, я ведь

правда не пострадала. И с Георгием не нужно было ссориться из-за меня, он просто человек такой, ты сама знаешь.

— Знаю, Соня, — Маргарита болезненно усмехнулась, глядя на тёмные окна собственного дома. — Только сегодня я, кажется, узнала о нём кое-что новое. Давай потом поговорим, когда я приеду. Я тебе чай купила, твой любимый, с чабрецом.

Софья ничего не ответила сразу. Маргарита услышала короткий прерывистый вздох и поняла, что сестра пытается справиться со слезами. Ей самой стало тяжело на душе, особенно от мысли, что вся эта история началась с самой обычной просьбы о помощи, которую любой близкий человек должен был бы понять без долгих объяснений.

Когда машина подъехала к пункту временного размещения, было уже далеко за полночь. Маргарита расплатилась с водителем, достала сумку и вошла в небольшое здание, где горел приглушённый свет. За столом возле входа сидела немолодая женщина, записывавшая что-то в тетрадь. Маргарита представилась, объяснила, что приехала к сестре после пожара, и попросила разрешения пройти к ней. Дежурная сначала удивилась столь позднему визиту, однако, узнав обстоятельства, разрешила пройти в комнату и даже предложила свободную раскладушку, если Маргарита собирается остаться до утра.

— У нас тут сегодня много людей разместили, — объяснила женщина, проводя её по коридору. — Некоторые уже к родственникам уехали, поэтому место есть. Ваша сестра тихая такая, всё благодарит, будто ей неудобно, что мы ей кровать дали. Вы уж с ней побудьте, если можете. После такого люди часто не столько вещей жалеют, сколько переживают, что теперь делать.

Маргарита поблагодарила её и остановилась возле указанной двери. Из комнаты доносилось негромкое покашливание, кто-то тихо разговаривал во сне, а в коридоре пахло влажной одеждой и крепким чаем. Женщина осторожно вошла и сразу увидела Софью, сидевшую на узкой кровати возле окна. Старшая сестра была в тёплой кофте, её волосы растрепались, а на лице заметно выступала непривычная бледность. У ног стояла старая дорожная сумка, та самая, которую Софья обычно брала в короткие поездки. От сумки даже на расстоянии чувствовался запах гари.

Увидев Маргариту, Софья попыталась подняться. Она улыбнулась, но улыбка получилась такой растерянной, что у младшей сестры защипало глаза. Маргарита быстро подошла к ней, поставила свою сумку на пол и крепко обняла, не давая произнести ни слова. Софья несколько секунд стояла неподвижно, затем обняла сестру в ответ и тихо заплакала, стараясь не шуметь, чтобы не разбудить остальных женщин.

— Ну что же ты, Сонечка, — прошептала Маргарита, поглаживая её по спине. — Господи, как же ты одна всё это пережила? Почему сразу мне не сказала, что Жора тебя не пустил? Я бы всё бросила и приехала, хоть посреди концерта. Ты же знаешь, что я никогда бы тебя там не оставила.

— Знаю, Риточка, знаю, — ответила Софья, вытирая слёзы ладонью. — Потому и не хотела тебя тревожить. Ты столько сил на этот концерт потратила, я думала, утром всё расскажу, когда ты отдохнёшь. Да и не хотелось мне, чтобы вы из-за меня ссорились. Я ведь действительно думала, что Георгий одну ночь разрешит переночевать, даже представить не могла, что он так рассердится.

Маргарита помогла сестре сесть и опустилась рядом. Она внимательно рассматривала её лицо, покрасневшие глаза, следы усталости возле губ и испачканные рукава кофты. Софья всегда следила за собой, даже дома любила ходить аккуратно причёсанной и никогда не позволяла себе появляться перед посторонними в неряшливом виде. Теперь она сидела на чужой кровати, в одежде, насквозь пропахшей дымом, и пыталась извиняться за то, что попросила помощи. Маргарита почувствовала новую волну гнева, но заставила себя сдержаться, понимая, что сестре сейчас нужна не очередная ссора, а спокойный разговор.

— Ты мне всё расскажи, пожалуйста, — попросила она, беря Софью за руку. — Только не нужно его оправдывать, я тебя очень прошу. Жора мне соврал, будто ты сама решила к знакомым уехать, а потом заявил, что не обязан тебя принимать. Я хочу понять, что именно произошло, потому что до сих пор поверить не могу.

Софья медленно кивнула. Она начала рассказывать о своём приезде, о разговоре на пороге квартиры, о присутствовавших приятелях и о том, как Георгий раздражался из-за её сумки. Маргарита слушала, постепенно сильнее сжимая пальцы сестры, но не перебивала, хотя несколько раз ей хотелось вскочить и немедленно вернуться домой. Когда Софья дошла до слов зятя о том, что ему совершенно не жалко женщину, которая в таком возрасте не сумела предусмотреть неприятности, Маргарита невольно прикрыла рот ладонью. Она знала Георгия как человека раздражительного, грубоватого и порой несправедливого, но никогда не слышала от него настолько откровенного презрения к чужой беде.

— И это он тебе сказал? — спросила она после короткого молчания. — Прямо так, что ему тебя не жалко? Господи, Соня, да как же у него язык повернулся! Ты ведь к нему никогда с просьбами не обращалась, даже когда тяжело было. Он прекрасно знает, сколько ты для нас сделала.

— Я ему напомнила про те четыре месяца, когда вы у меня жили, — тихо призналась Софья и опустила глаза. — Наверное, зря, Рита, не надо было этого говорить. Он очень рассердился, решил, будто я теперь благодарности требую. А я ведь просто хотела, чтобы он понял, почему приехала именно к вам. Мне казалось, что мы всё-таки родные люди.

Маргарита почувствовала, как у неё снова защипало глаза. Она вспомнила, что Софья действительно никогда не попрекала их прежними трудностями, хотя имела для этого множество поводов. Даже после того, как молодые супруги съехали, старшая сестра продолжала помогать им с вещами, продуктами и мелкими расходами, когда возникала необходимость. Позднее, когда положение Георгия улучшилось, она искренне радовалась их благополучию и не требовала никакой особой благодарности. Маргарита вдруг поняла, что муж не просто отказал женщине в помощи, а постарался унизить её именно за то, что она когда-то оказалась великодушнее него.

— Ты ничего неправильного не сказала, — ответила Маргарита, стараясь говорить твёрдо. — Не смей даже думать, что виновата в этой истории. Ты приехала к нам, потому что мы твоя семья. И если Георгий решил, будто может выставить тебя за дверь, а потом заставить меня спокойно с этим согласиться, то он очень сильно ошибается.

Софья осторожно погладила младшую сестру по руке. В её лице появилась тревога, и Маргарита сразу поняла, что сейчас последует очередная просьба не ссориться с мужем. Она заранее почувствовала раздражение, но удержалась от резкого ответа, потому что видела, насколько старшая сестра измучена случившимся.

— Рита, вы ведь столько лет вместе прожили, — сказала Софья, стараясь подобрать слова. — Не нужно из-за меня всё рушить, пожалуйста. Георгий погорячился, он всегда был человеком непростым, но, может быть, завтра сам поймёт, что поступил неправильно. Ты только не принимай никаких решений сгоряча, хорошо? Мне бы очень не хотелось стать причиной ваших неприятностей.

Маргарита тяжело вздохнула. Ей хотелось возразить, что причиной неприятностей стала вовсе не Софья, но она понимала, почему старшая сестра так боится разрушить её семейную жизнь. С самого детства Софья привыкла отвечать за Маргариту, заботиться о ней и считать себя виноватой, если у младшей возникали какие-нибудь трудности. Даже теперь, оказавшись после пожара в чужом помещении, она прежде всего переживала не о собственных вещах и квартире, а о том, что сестра поссорилась с мужем.

— Сонечка, послушай меня, — сказала Маргарита, поворачиваясь к ней всем корпусом. — Я не собираюсь сегодня ночью решать, что будет с нашим браком. Но и делать вид, будто

Жора просто немного погорячился, тоже не стану. Он прекрасно понимал, что делает, когда выставлял тебя за дверь, а потом ещё и солгал мне. Это не обычная ссора, не неудачное слово, которое можно забыть к утру. Я хочу, чтобы он это понял.

Софья некоторое время молчала, рассматривая собственные руки. Потом осторожно придвинула к себе дорожную сумку и достала фотографию Маргариты, которую удалось забрать из повреждённой квартиры. Рамка была поцарапана, но сам снимок сохранился, и старшая сестра показала его младшей с робкой улыбкой.

— Вот, видишь, хоть фотографию твою спасла, — сказала она, стараясь сменить тему. — А пианино, наверное, сильно пострадало. Я сегодня посмотрела, вода на нём была, ноты все разбухли. Жалко, конечно, столько лет на нём играла. Но ничего, может, ещё обойдётся, когда всё просохнет.

Маргарита взяла фотографию и несколько секунд рассматривала собственное молодое лицо. Снимок был сделан вскоре после свадьбы, когда она ещё носила длинные волосы и часто улыбалась так беззаботно, что теперь сама с трудом узнавала себя. Тогда ей казалось, что впереди долгая счастливая жизнь с любимым мужем, а Софья всегда будет рядом, поскольку настоящая семья не исчезает после замужества. Маргарита осторожно положила фотографию обратно в сумку и снова обняла сестру.

— С пианино разберёмся, Соня, — сказала она, стараясь улыбнуться. — И квартиру приведём в порядок, и ноты новые купим, если старые не спасти. Ты только не начинай опять говорить, что сама со всем справишься и никто тебе не нужен. Я ведь не чужой человек, мне тоже хочется тебе помогать. Ты меня столько лет растила, теперь хоть позволь немного о тебе позаботиться.

Софья наконец улыбнулась по-настоящему. Она осторожно поправила волосы, вытерла оставшиеся слёзы и поинтересовалась, не замёрзла ли Маргарита по дороге. Младшая сестра рассмеялась, потому что даже сейчас старшая не могла удержаться от привычной заботы. Затем Маргарита вспомнила о купленных продуктах, открыла сумку и достала упаковку чая с чабрецом. Софья удивлённо посмотрела на неё, а когда увидела булочки с маком, тихо засмеялась, покачивая головой.

— Ты даже это не забыла, — сказала она с неожиданной нежностью. — Я ведь тебе утром говорила, что давно таких булочек не ела. А ты после целого дня работы ещё и в магазин успела заехать. Риточка, ну зачем ты так стараешься, я бы и без всего этого обошлась.

— А мне приятно, Соня, — ответила Маргарита, доставая пакет. — Я вообще-то думала, что утром мы с тобой спокойно позавтракаем у нас дома, чай попьём, потом поедем смотреть, что с твоей квартирой. Не получилось у нас спокойного утра, но чай-то никто не отменял. Сейчас спрошу, можно ли здесь кипятком воспользоваться, и посидим немного.

Она вышла в коридор и поговорила с дежурной, которая разрешила воспользоваться небольшим чайником в общей комнате. Вскоре сёстры сидели за узким столом возле окна, осторожно разламывали булочки и пили горячий чай из простых кружек. Софья постепенно разговорилась, начала вспоминать, какие вещи остались в квартире и что нужно будет проверить в первую очередь. Маргарита слушала, задавала вопросы и время от времени записывала что-то в телефон, чтобы утром ничего не забыть. Постепенно её гнев немного отступил, хотя каждый раз, когда она смотрела на сестру, перед глазами снова возникал Георгий, стоявший в дверях спальни и требовавший не устраивать истерик из-за чужих проблем.

Немного позже Маргарита получила сообщение от мужа. Георгий написал, что не собирается участвовать в её ночных представлениях и что утром она сама поймёт, насколько глупо поступила. Женщина прочитала сообщение, почувствовала знакомое желание немедленно ответить и высказать всё, что не успела сказать дома, но затем посмотрела на Софью, которая осторожно складывала оставшиеся булочки обратно в пакет. Маргарита выключила

звук телефона и убрала его в сумку, решив, что сегодня больше не позволит мужу отнимать у неё время, предназначенное для сестры.

Они ещё долго сидели за столом, хотя разговор постепенно становился тише. Софья рассказывала о соседях, о женщине, которая помогала пострадавшим жильцам, и о том, как испугалась, впервые увидев дым над собственными окнами. Маргарита слушала её и понимала, что старшая сестра только теперь начинает по-настоящему осознавать случившееся. За долгие годы Софья привыкла быть человеком, к которому обращались за поддержкой, и теперь ей было непросто самой оказаться в положении нуждающейся. Маргарита взяла её за руку и некоторое время держала, ничего не говоря, пока Софья не подняла глаза и не улыбнулась.

Ночевать Маргарите разрешили на свободной раскладушке рядом с сестринской кроватью. Она помогла Софье устроиться, поправила одеяло и погасила свет возле окна. В комнате постепенно стало тихо, только из коридора иногда доносились шаги и негромкие голоса дежурных. Маргарита долго не могла уснуть, прислушиваясь к ровному дыханию сестры и думая о разговоре с мужем. Она понимала, что завтра придётся решать множество неприятных вопросов: искать жильё, заниматься повреждённой квартирой, объясняться с Георгием и, возможно, снова выслушивать его обвинения. Но сейчас ей хотелось хотя бы одну ночь провести рядом с человеком, который никогда не отказывал ей в помощи, даже когда самому приходилось трудно.

Перед тем как окончательно закрыть глаза, Маргарита ещё раз посмотрела на старую дорожную сумку, стоявшую возле Софьиной кровати. От неё по-прежнему пахло гарью, хотя рядом лежали чистые полотенца и свежее постельное бельё. Женщина подумала, что утром обязательно заберёт сестру отсюда, найдёт ей временное жильё и поможет справиться со всем необходимым. Она ещё не знала, как теперь будет разговаривать с Георгием и сможет ли когда-нибудь забыть то, что он сделал, но одно понимала совершенно отчётливо. Больше она не позволит мужу обращаться с Софьей так, словно та не имеет никакого права рассчитывать на человеческое отношение в семье, которой отдала столько лет собственной жизни.

ГЛАВА 3. ЧУЖАЯ ПОСТЕЛЬ ДЛЯ ДВУХ СЕСТЁР

Утром Маргарита проснулась от осторожного прикосновения к плечу и не сразу поняла, где находится. Вмест

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.